
ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА ЛЮБВИ (взгляд сквозь призму философской антропологии)

С.А. Лохов

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Автор статьи приходит к выводу, что в условиях культуры потребления христианская концепция любви не утратила свою актуальность. Любовь как базовая ценность является основой Программы 12 Шагов Анонимных Алкоголиков, на принципах которой формируется мировоззрение и здоровый образ жизни.

Ключевые слова: этика ценностей, христианская этика любви, агапэ, гуманизм, Программа 12 Шагов Анонимных Алкоголиков, ресентимент.

Любовь как высший идеал

Согласно христианской идее, любовь — это акт духа, но не эмоциональное состояние, каковым оно является для современного человека. Любовь не стремление, не желание, не потребность. В отличие от последних, которые в процессе своего осуществления сводят себя на нет, любовь, проявляясь в действии, только возрастает! Любовь — это жертвенный порыв к существу, с которым мы через свойственный всему живому дар сопереживания чувствуем себя едиными и солидарными. Сила любовного порыва возрастает в зависимости от степени близости и однородности живого существа с тем, которое ему сопереживает. Это отнюдь не благоприобретение жизни, выводимое из первичных эгоистических побуждений. «Этот „порыв“ изначально присущ жизни, до всех больших и малых „целей“, которые ему задним числом приписывают расчетливость, рассудок, размышление. Над любовью нет никакого рационального принципа, никакого закона и справедливости, которые управляли бы ей и распределяли бы ее между достойными. Все достойны любви без исключения: добрые и злые, рабы и богачи, благородные и подлые. Любовь делает всех достойными себе» [9. С. 77]. При этом никакого отношения к идее равенства душ перед Богом и вытекающего отсюда демократизма, как это полагал Ф. Ницше [5], христианский идеал любви не содержит. Более того, устанавливается строго регламентированная церковная иерархическая структура — совокупное духовно-живое человечество, упорядоченное по аристократии нравственно личных качеств. Все члены Церкви обращены к Богу, помогают и служат Ему, и именно в этом становятся равными Ему, сохраняя при этом неравенство между собой. Сущность служения Богу и людям заключена в любви.

Любовь — это духовный акт, поэтому основанием любви не могут быть инстинкты (половой инстинкт) и ощущения, которые имеют инстинктивную основу. Инстинктивные побуждения становятся определяющими только в плане выбора интенционального объекта любви и той живости, с какой мы с ним фактически

сближаемся. Чувственная и витальная симпатии рассматриваются не как источник любви, а лишь как ограничивающая и распределяющая ее сила, посредством которой любовь — не будучи результатом и продуктом витального развития жизни — служит конкретным жизненным целям.

Образцом христианской любви являются отношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном, между Богородицей Марией и Иисусом Христом. Христианство берет в качестве образца отношений между людьми отношения между родителями и детьми. Родительская любовь возникает на почве половой и не только не роняет ее смысл, но подымает выше. Цель родительской любви — дарение, дар: ребенка — миру, мира — ребенку. Любовь — это дар. Известное критическое замечание, о том, что родительская любовь обусловлена «фактом размножения и сменой поколений», что в ней нет признания безусловного значения за любимым и в ней доминирует физиологическая связь, выражает, по сути, теорию платонического эроса [7].

Напротив, любовь от большего к меньшему, от целого к части есть любовь дающая, дарящая — «агапэ» (*ἀγάπη*), ее практика и теория были развиты в христианстве. Именно такой милосердной, сострадательно-воспитующей любовью Бог любит сотворенный им мир, Богочеловек, Христос любит сопричастный Ему род человеческий, и всякий создатель свое создание, и всякое целое — малую, но родную свою долю. Эрос есть воззвание к Высшему, голодное устремление к нему. Агапэ есть отзыв этого Высшего, кормящая и питающая любовь. И если в муже-женских отношениях господствует эрос, стремление одной половины к другой для образования целого и высшего, то в отношениях родителей к детям господствует агапэ — снисхождение, милосердие, долготерпение, чувство большого к малому, готовность умяляться — чтобы выращивать; терпеть лишение — чтобы творить избыток.

Увенчанная половая любовь, двоеполое существо, как восстановленный андрогин — это и есть семья. Но ход любви на создании семьи не ограничивается, но превращается в родительскую любовь к малому существу, рожденному из большого муже-женского существа. Единицы, образовав двоицу, входят далее в творческую жизнь троицы. Родительская любовь-милость соответствует иудео-христианской модели низводящей любви от Бога-творца на весь сотворенный род человеческий. Через родительскую любовь человек уподобляется Богу. Быть подобно Богу является конечной целью духовного развития.

Христианская любовь и христианское жертвенное отношение к больным и убогим исходит из внутренней ценности и полноты собственной жизни человека. «И чем глубже в нем это блаженное чувство, чем „цельнее“ эта — отличная от витальной — безопасность, состоящая в сознании абсолютной защищенности в крепости последнего бытия (Иисус Христос называет его «Царством Божиим»), тем больше в периферийных зонах своего наличного бытия он может быть „равнодушным“ к собственной „судьбе“, тем более ему позволительно относиться почти играючи ко всему, что называется „счастьем“, „приятным“ и „неприятным“, „удовольствием“ и „болью“. Не больное и бедное любят в больном и бедном,

но то, что сокрыто за болезнью и бедностью, и лишь исходя из этого помогают. Избыток собственных жизненных сил может и должен преодолеть естественную реакцию отвращения и страха перед немощью, убогостью, болезнью, а любовь, выражаясь в деятельной помощи, — развить все позитивное в бедном, немощном и больном» [9. С. 81—84].

Христианская заповедь любви к Богу, к ближнему раскрывается важным добавлением «как самого себя» (От Матфея 22:37).

Подлинная забота о себе, любовь к самому себе, не имеющая ничего общего с эгоизмом, заключается в том, что в ней дана ценность человека в отношении к другим людям. Примером бескорыстного служения людям, лишённого всякого альтруизма и благотворительности, является земная жизнь Иисуса Христа. Поразительная и загадочная расположенность Иисуса Христа к грешникам заключается, по мнению М. Шелера, в независимости высших ценностей, к которым относится любовь, от противоположностей мирского уклада жизни: бедный—богатый, здоровый—больной и т.д.

Именно любовь к целостности человека, сознание солидарности с ним дают ощущение всей нелепости социального расслоения между людьми. Следствиями любви и основанной на ней общности по-прежнему будут мирские формы общностей и деятельное содействие чувственно воспринимаемому благополучию, освобождению от боли и созданию удовольствий. Но все это имеет ценность лишь в том случае, если эти общности и скрепляющие их силы любви живыми корнями уходят в «Царство Божие» и вновь к нему возвращаются. Под «Царством Божиим», пишет М. Шелер, надо понимать независимую от порядка, законов и ценностей жизни сферу бытия, служащую фундаментом для всех остальных экзистенциальных сфер, и лишь в ней человек способен пробиться к последнему смыслу и ценности своего существования [9. С. 104]. Жизнь представляется христианину благом лишь в той мере, в которой она предоставляет возможность прорыва в «Царство Божие». Там, где сохранение и поддержание жизни вступают в противоречие с реализацией сущих и значимых в Царстве Божием ценностей, жизнь ничего не стоит, и от нее отказываются, какой бы ценной она ни казалась в соответствии с принципом жизненного максимума.

Таким образом, любовь — это не служащая жизни духовная активность и не сильнейшая и глубочайшая концентрация жизни; любовь — это то, благодаря чему жизнь, приходя в волнение и движение, впервые обретает высший смысл и высшую ценность, поэтому вполне обосновано требование отказа от жизни, требование пожертвовать ею в ее сущностно-экзистенциальном значении.

Новоевропейский гуманизм как кризис христианского идеала любви

Гуманизм — это форма современного человеколюбия. Человеколюбие обращено не на божественное в человеке, а просто на человека как человека, поскольку по внешнему виду в нем можно узнать представителя рода человеческого. Человеколюбие есть чувственное состояние, возникающее из внешнего выражения боли и радости в результате психического заражения.

Страдание от чувственно воспринимаемой боли и радость от чувственно воспринимаемых приятных ощущений — суть человеколюбия, а вовсе не сострадание тому, кто страдает. Философы и психологи XVII и XVIII вв., среди которых М. Шелер называет Хатчесона, А. Смита, Д. Юма, Бэйна, стремились понять сущность любви из проявлений симпатии, совместного страдания и совместной радости, а их, в свою очередь, — из феномена психического заражения. Наиболее полное и яркое выражение идея любви как сугубо человеческой силы, основанной на сочувствии, нашла в литературном творчестве Ж.Ж. Руссо. Через увлечение руссоизмом прошли многие философы, например такие, как Фихте, Гердер, Шиллер, Кант и другие [9. С. 119].

Современное человеколюбие основано на сострадании, т.е. погружении в боль и бедность. Оно заражается жалостью — чувством подавленности и угнетенности, которые возникают в результате созерцания их внешних выразительных проявлений. Это чувство устраняется через оказание помощи страждущим. С позиции всеобщего человеколюбия ценность любви объясняется с позиции всеобщего блага, пользы. Любовь — это позитивный фактор, содействующий увеличению общего блага. Так идея христианского «милосердия» заменяется «жалостливостью» и благотворительностью.

Благотворительность — это явление социального характера, суть которого сводится к оказанию помощи, как правило, материального характера.

Однако, как замечает М. Шелер, ценность любви не в том, что она «одна из» многих сил, служащих повышению благосостояния человека и общества. Любовь ценна сама по себе. Помощь — это лишь непосредственное и адекватное выражение любви, а вовсе не ее «цель» или смысл. Смысл — в ней самой. Любовь выражается не повышением благосостояния, а максимальным наполнением собой жизни человека [9. С. 85].

М. Шелер приходит к выводу, что в основе новоевропейского гуманизма лежит движение, противоположное любви — импульс отрицания «ресентимент» (*resentment*). Это понятие не переводится однозначно на русский язык. Оно содержит сложный эмоционально-волевой комплекс переживаний, который включает в себя возобновляемое вновь и вновь мстительное переживание обиды и неприязни, злобу, зависть, злопамятность, ненависть. Ресентимент является источником лжелюби. Он направлен в первую очередь на Бога, затем на общество, и, наконец, на самого человека (самого себя).

М. Шелер выделяет три источника гуманизма: отчуждение от Бога, от родины и от собственного Я.

1. Человеколюбие есть форма выражения вытесненного отрицания Бога с целью утверждения человека как природного существа.

2. Человеколюбие — это форма отрицания ценностного содержания той общности, в котором человек формируется физически и духовно, т.е. семьи, страны. Это форма вытесненной ненависти к родине и утверждение идеи космополитизма [9. С. 127, 129—130].

3. В основе человеколюбия лежит *альтруизм* (от лат. *alter* — другой). Этот термин был впервые введен О. Контом, сформулировавшим принцип «*vivre pour*

altruï» — «жить для других», «внутридушевная» направленность на «других людей» и их жизнь, «вхождение в обстоятельства других».

Согласно моральной концепции О. Конта, благо другого и он сам нравственно более значимы, чем собственное «Я» и его благо. М. Шелер указывает, что в основании альтруизма находится отчуждение от самого себя, бегство от самого себя, неспособность жить в мире с самим собой [9. С. 89—90]. Альтруизм особенно явно проявляется через различные формы социальной активности. За социальной активностью прослеживается явная неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении вопросов и задач собственной жизни.

В критике гуманизма М. Шелер отталкивается от идей Ф. Ницше [5]. Для обоих мыслителей является очевидным, что гуманизм как способ жить и чувствовать, не что иное как «болезнь и лишь видимость более высокой нравственности», «признак деградирующей жизни и скрытого ценностного нигилизма» [9. С. 113]. Только Ф. Ницше отождествляет «человеколюбие» с христианской любовью к ближнему, а М. Шелер, как это было показано выше, различает христианский идеал любви и гуманистический.

Исследуя причину отождествления столь разных идей, М. Шелер приходит к выводу, что христианская традиция действительно содержит чуждые ей элементы гуманизма: космополитизм, естественное право, естественную мораль, рационализм. М. Шелер отмечает, что идея христианской любви теряется среди огромного числа искажений, которые происходили уже на ранних стадиях в ходе исторического взаимодействия христианских ценностей с другими, выросшими на иной исторической почве, ценностями. Ф. Ницше отождествил человеколюбие и христианское милосердие потому, пишет М. Шелер, что не вполне адекватно осознал поворот, который произошел при переходе от античного идеала любви (эрос) к христианскому (агапэ). Именно поэтому Ф. Ницше предложил «дионисийский путь к Богу», т.е. возврат к античному идеалу любви.

Основная интенция в античной идее любви заключается в стремлении «низшего» к «высшему», «несовершенного» к «совершенному», «формирующегося» к «сформировавшемуся», «видимости» к «сущности», «незнания» к «знанию», «нечто среднее между обладанием и необладанием». «Все отношения людей, так или иначе связанные с любовью, — брак, дружба и т.д. — делятся на отношения между „любящим“ и „любимым“, при этом любимый всегда — более благородная, совершенная часть и одновременно образец бытия, воли, действия для любящего». Между любящим и любимым сохраняются отношения ценностного неравенства. *Эта идея любви связана с идеей состязания (Agon)*, честолюбивого соревнования в достижении какой либо цели. В античной идее любви вещи точно также «опережают друг друга», соревнуются друг с другом за победу в космическом состязании за божество. Античная любовь — динамический принцип, движущая сила великого «состязания» вещей за божество. При расширении границ христианской церкви, при утверждении ее в качестве социально-политического института «внутри самого христианского мира идей вкрался нивелирующий, разлагающий принцип „человеколюбия“; одновременно наметился перекосящий Божией любви в человеческую» [9. С. 135]. Постепенно гуманистическое положение

об одинаковости человеческой природы из педагогическо-прагматического допущения превращается в положение, претендующее на метафизическую истину.

На основе христианской идеи любви М. Шелер развивает концепцию позитивной аскетике как стержень духовности человека. «Человек — это относительный аскет жизни». Позитивная аскетика не допускает противопоставление души и тела, духа и жизни. Она служит освобождению духовной личности от сковывающего воздействия инстинктивного автоматизма, тренировке и развитию жизненных функций. Цель христианской аскезы — не подавление, и тем более не искоренение естественных влечений, но лишь власть и господство над ними, их полная одушевленность и одухотворенность. «Христианская аскеза — веселая, радостная: это рыцарское сознание силы и власти над физическим телом! Лишь та „жертва“ мила в ней Богу, которая освящена *более высокой позитивной радостью!*» [9. С. 147].

Таким образом, М. Шелер проводит различие между позитивной аскетикой и негативной. Позитивная аскетика основывается на идее христианской любви. Негативная аскетика основана на *ненависти* и *презрении* к телу.

Негативная форма аскетике рождается не на христианской почве. Она своими корнями уходит в неоплатонизм и эссеизм, но в силу различных причин, она просачивается в христианскую традицию. Особенно явно распространение негативной аскетике, по наблюдению М. Шелера, в западном христианстве: католицизме и протестантизме.

Христианский идеал любви в XX в. : преодоление кризиса

Вышеприведенные положения о христианской этике любви, о ее отличии от гуманистического человеколюбия, учение М. Шелера о ресентименте, позитивном аскетизме в условиях процветающей культуры потребления, возможно, выглядят достаточно архаично. Современная культура ориентирует нас на ценности другого порядка. Это все так, и критика этих ценностей не входит в задачи данной работы. Мы здесь хотим лишь обратить внимание на то, что есть и другая сторона культуры потребления. Это все возрастающая тенденция формирования зависимых форм поведения личности, негативно влияющих на структуру межличностных отношений.

Адиктология — наука, изучающая зависимые формы поведения, выделяет их более 200 видов. Алкоголизм и наркомания — это самые известные и деструктивные из них. Современная наркология признает, что один из самых эффективных способов профилактики и лечения от адикции — это организация групп самопомощи на основе Программы 12 Шагов Анонимных Алкоголиков [2. С. 2].

Авторы Программы 12 Шагов Анонимных Алкоголиков не скрывают, что черпали вдохновение в Нагорной проповеди Христа, посланиях Апостолов Павла и Якова [6. С. 54]. Кроме религиозных источников Программа 12 Шагов опирается на теоретические разработки К.Г. Юнга [10], У. Джеймса [3] и медицинские знания о психосоматике химически зависимой личности [1. С. ххi—ххix]. «12 Шагов» — это синтез религиозных, научных и философских знаний, который

содержит конкретные рекомендации, коренным образом изменяющие мировоззрение личности, направляя его на непрерывное духовное развитие. Практическая реализация Программы 12 Шагов приводит к формированию философского мировоззрения [4. С. 34—37]. Истории жизни людей, описанные в книге «Анонимные Алкоголики», — это не просто свидетельства, иллюстрирующие успешность программы, это ее составная часть, необходимая для формирования мировоззрения [1. С. 1—15, 162—172, 185—541].

Итак, в книге «Анонимные Алкоголики» излагается подход, согласно которому алкоголизм — это неизлечимая болезнь, которая имеет две составляющие — аллергия тела и одержимость ума. Тело больного организовано так, что небольшая доза спиртного запускает в действие механизм, при котором остановить потребление волевыми усилиями уже не возможно [1. С. xxiv, С. 23].

Наркология утверждает, что в таком случае необходимо полное воздержание от употребления алкоголя. И если тело больного лечится медицинскими способами, и здесь современная медицина в своем распоряжении имеет очень мощные методики и препараты, то одержимость ума медицина не лечит, и пациенты после некоторой ремиссии возвращаются к употреблению алкоголя.

Решение об употреблении принимается в уме. Ум больного алкоголизмом устроен так, что он выбирает всегда в пользу употребления. Иначе говоря, больной всегда находит вескую причину для употребления. Все ресурсы такого человека (и физические, и интеллектуальные) работают на употребление. Человек находится в самообмане, который и является проявлением одержимости ума [1. С. 23—24].

Так происходит до полного истощения: физического, интеллектуального, морального. Деградация охватывает все сферы жизни. Дилемма, в которой живет такой человек, заключается в том, что он не может продолжать жить в употреблении, но и без употребления спиртного он жить не может. Именно поэтому врачи признают неизлечимость алкоголизма. Однако при всей безнадежности диагноза решение проблемы есть [1. С. 24].

Программа 12 Шагов Анонимных Алкоголиков предлагает решение проблемы одержимости ума. Решение этой проблемы переносится в духовную область. Корень проблемы человека, одержимого алкоголем, полагают Анонимные Алкоголики, заключается в эгоцентризме [1. С. 60]. Эго алкоголика наполнено страхами и обидами, бесконечное переживание которых (resentment) блокирует выход к внешнему миру. Единственный способ выйти из этого круга негативных переживаний — это либо употребление алкоголя, что приводит к деградации личности, безумию, смерти; либо «работа по шагам» [1. С. 56—58], «духовное пробуждение», «коренное изменение личности» [1. С. 24—26].

Программа 12 Шагов излагает духовные принципы, приняв которые за основу образа жизни, алкоголик постепенно учится выстраивать отношения со своим эго, с ближайшим окружением (семьей), а затем и с миром в целом без спиртного. Таким образом, одержимость ума преодолевается, симптомы заболевания снимаются, к выздоровевшему алкоголику возвращается подлинный интерес к себе и другим людям. Он становится активным членом общества. Полное воздержание от спиртного (позитивная аскеза) длится день за днем годами. Философия жизни

Анонимных Алкоголиков основана на ценностях, среди которых абсолютная любовь (*ἀγάπη*) является базовой.

Самое сложное и трудно объяснимое в Программе 12 Шагов — это принятие этих жизненно важных ценностей. И в этом заключается, пожалуй, единственное открытие Анонимных Алкоголиков. Это принцип горизонтальной передачи послания. Одержимость ума блокирует все каналы коммуникации с внешним миром, и в первую очередь те, которые угрожают употреблению. Право пить больной воспринимает как естественное и защищает его даже под угрозой смерти. Алкоголик не слышит ни родственников, ни врачей, ни священнослужителей. Эти люди являются для алкоголика «чужими». А вот товарища по употреблению, такого же, как он сам, «своего» алкоголик слышит.

Для того чтобы преодолеть навязчивое желание (потребность) выпить, «один алкоголик разговаривает с другим алкоголиком», они делятся друг с другом своим переживанием бессилия перед проблемой и надеждами на ее решение. Этот диалог является вопросом жизни и смерти для обоих, потому что через этот диалог алкоголик выходит из изоляции и узнает правду о себе. Правда заключается в том, что он — алкоголик, т.е. безнадежно больной человек, который нуждается в помощи. Эта правда отражается в истории другого человека, в котором алкоголик видит себя. И здесь нет проявления сентиментальной благотворительности и альтруизма. В этой ситуации заповедь «*Возлюби ближнего как самого себя*» работает, что называется, буквально. Программа 12 Шагов Анонимных Алкоголиков утверждает, что соблюдение этой заповеди является лучшим способом сохранения ремиссии [1. С. 14].

Таким образом, в условиях процветания общества и культуры потребления христианская этика любви не исчерпала свой потенциал. Об этом свидетельствует популярность групп самопомощи, работающих на основе программы 12 Шагов Анонимных Алкоголиков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анонимные Алкоголики, AAWS, ink, New-York, 2001.
- [2] Брюн Е.А. Анонимные Алкоголики. Опыт сотрудничества. Независимость личности. — 2012. — Т. 4. — № 1 (8). — С. 2.
- [3] Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. — М., 1993.
- [4] Лохов С.А. Мировоззрение как объект философской рефлексии (И. Кант, М. Хайдеггер, М. Шелер) // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2003. — № 1 (9). — С. 29—37.
- [5] Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М., 1994.
- [6] Сериков Д., дьякон. Сообщество «Анонимные алкоголики» Мнение священнослужителя Русской Православной Церкви. Независимость личности. — 2012. — Т. 4. — № 3 (10). — С. 53—56.
- [7] Соловьев В.С. Смысл любви // Сочинения. — М.: Мысль, 1988. — Т. 2.
- [8] Философия любви. — М.: Политиздат, 1990.
- [9] Шелер М. Ресентимент в структуре морали. — СПб., 1999.
- [10] Юнг К.Г. Архетип и символ. — СПб., 1991.

CHRISTIAN ETHICS OF LOVE

S.A. Lohov

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of the Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Author of this article comes to the conclusion that in a culture of consumption Christian concept of love has not lost its relevance. Love as the base value is the basis of 12-step program of Alcoholics Anonymous, which is formed on the basis of the outlook and healthy lifestyle.

Key words: ethic values, Christian ethics of love, agape, humanism, 12-step program of Alcoholics Anonymous, resentment.

REFERENCE

- [1] Anonimnye Alkogoliki, AAWS, ink, New-York, 2001.
- [2] Brjun E.A. Anonimnye Alkogoliki. Opyt sotrudnichestva. *Nezavisimost' lichnosti*, 2012, t. 4, № 1 (8), s. 2.
- [3] Dzhejms U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. M., 1993.
- [4] Lohov S.A. Mirovozzrenie kak ob#ekt filosofskoj refleksii. (I. Kant, M. Hajdegger, M. Sheler) // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. 2003, № 1 (9), s. 29—37.
- [5] Nicshe F. *Volja k vlasti: opyt pereocenki vseh cennostej*. M., 1994.
- [6] Serikov D., d'jakon. Soobshhestvo «Anonimnye alkogoliki» Mnenie svjashhenosluzhitelja Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. *Nezavisimost' lichnosti* 2012, t. 4, № 3 (10), s. 53—56.
- [7] Solov'ev B.C. *Smysl ljubvi* // *Sochinenija*. M.: Mysl', 1988. T. 2.
- [8] *Filosofija ljubvi*. M.: Politizdat, 1990.
- [9] Sheler M. *Resentiment v strukture morali*. SPb., 1999.
- [10] Jung K.G. *Arhetip i simbol*. SPb., 1991.